

18+

Юрий Теплов

Око за око

Юрий Теплов

Око за око

«Издательские решения»

Теплов Ю. Д.

Око за око / Ю. Д. Теплов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Наша
планета — это живой организм, который реагирует на все происходящее
на Земле. Люди бездумно наносят ему бесконечные раны. Терпение живого
организма не беспредельно, и временами он начинает мстить катаклизмами
в разных уголках земного шара. Древнейшая цивилизация, переселившаяся
на другую планету, пытается образумить жителей Земли, ибо не исключает
вариант, что люди сами погубят свою планету.

© Теплов Ю. Д.

© Издательские решения

Содержание

Роман «Око за Око»	6
ЗИГЗАГИ СУДЕБ ЧЕЛОВЕЧЬИХ	6
Иван Сверяба и поп — расстрига	6
I	6
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Око за око

Юрий Теплов

© Юрий Теплов, 2026

ISBN 978-5-0071-1124-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман «Око за Око»

ЗИГЗАГИ СУДЕБ ЧЕЛОВЕЧЬИХ

Иван Сверяба и поп — расстрига

I

Дверь лязгнула, как выстрелила, оставив Ивана в провонявшей потом и мочой камере. Запах мочи исходил от стоявшего в углу бака. «Парашу будешь нюхать!» — вспомнил он угрозу усатого милиционера... С потолка желто светила лампочка, забранная в сетчатый металлический намордник. Левая стена гляделась серой и голой. Вверху синело низкое, словно бойница, оконце, тоже оплетенное металлической сеткой. Справа были двухъярусные нары, на которых лежали, сидели, курили уголовники и разглядывали его, застывшего у двери в мятом костюме и в мерлушковой шапке. — Арбуз, глянь! — пробасил к то-то. Со второго яруса прыгнул молодой щекастый парень. Приблизился к Ивану, обошел вокруг, несильно, но неожиданно толкнул его в спину, отчего Иван очутился посреди камеры. — Штымп с брехаловки, — доложил Арбуз.

Слова были знакомы Ивану! Штымп — неук в воровских делах, брехаловка — базар. Только успел это сообразить, как его мерлушковая шапка оказалась на голове Арбуза. Иван взъярился, не видел больше ни нар, ни любопытствующих лиц — только его, круглого и щекастого. Первый его удар пришелся в левую скулу. Шапка свалилась с головы Арбуза, а сам он отлетел к параше. Иван достал его и там. Молотил кулаками по чему попадая. Тот падал, но опять кидался на Ивана. Коротковаты были руки у Арбуза, впустую махал. Заслонившись левым локтем, полез было в карман штанов, но Иван, весь в красном тумане, сбил его с ног. Сцапал за голову и возил его мордой по полу. — Папа! — завопил Арбуз. И тут на него посыпалось — в бок, в голову, в спину, уложили рядом с Арбузом. Придавленный чьими-то руками, он успел подгрести под себя свою новую мерлушковую шапку. Голова его оказалась напротив Арбузовой, даже глазами столкнулись, и Иван успел подсмотреть в них растерянность... Иван настороженно поднялся с шапкой в руках. Первое, что увидал — чужаки на волосатых ногах, свесившихся с верхних нар. На нарах сидел грузный мужик в распахнутом бухарском халате, с головой яйцом и глазами, похожими на белые кальсонные пуговицы. Мужик поманил Ивана. Он придвинулся. Убрал шапку за спину. И встал в ожидании приговора. — Обзовись! — Иван Сверяба. — Кликуха — Сверяба? — Не, фамилия. — Шамать хочешь? Иван не ел целый день, но внятно произнес: — Не хочу. — Подай крышу! Иван не понял. — Шапку подай, — выкрикнул Арбуз. Если бы у Ивана вознамерились отнять шапку, он бы снова кинулся в драку. А тут протянул ее, ровно бы так и надо, будто на сохранение отдал. Откуда в руке Каряги появился сухарь, Иван не заметил. — На, погрызи! — сказал тот и кинул сухарь. Иван изловчился поймать его. Этим вроде бы даже вызвал одобрительную усмешку. — Писануть, папа? — Арбуз уже поднялся с пола, стоял в метре от Ивана. — Толкучка обучила Ивана многому. Он знал, что такое писануть — чиркнуть лезвием. Отодвинулся к стене, прижался к ней спиной, заозирался. — Что красноперых не кличешь? — незло спросил Каряга. Иван не ответил. Пахан убрал ноги на нары, побряхтел, располагаясь в глубине. Сказал: — Господи, спаси и помилуй некрещеного! — Высунулся наружу: — Его ложе под Афишей. — И улегся с миром... Место

Ивану досталось у самой двери, внизу. Он долго не мог уснуть, прислушивался к шорохам и храпу, не надеясь, что его оставили в покое. Так и блазнилось, что подкрадывается Арбуз с лезвием. Иван напрягался; приподняв голову, шарил глазами по камере, но все было тихо. Потом он провалился в беспокойный сон. А очнулся от влаги. Брызгало сверху, левый бок подсырел. Он сполз с нар и никак не мог врубиться со сна, что бы это значило. Лампочка горела все так же желто, и камера казалась загробным приютом для грешников. — Ссытся Афиша, — услышал Иван сиплый голос. — Открытым держит притвор. Каряга, как и вечером, сидел на верхних нарах, свесив ноги. Иван не понял сперва, а уразумев смысл, брезгливо глянул на своего недвижимого верхнего соседа. Снял пиджак, расстелил в сухом уголке. Сел на единственный, намертво прикрученный к стене табурет. Чувствовал, что Каряга неотрывно глядит на него, отчего хотелось поерзать. Казалось, тот вот-вот учинит Ивану допрос или подымет уголовников, чтобы попрессовать строптивного первоходка. Но пахан молчал. Затем подтянул свои волосатые ноги в овчинных чувяках и, кряхтя, стал укладываться.

2

Сколько помнил себя Иван, они всегда жили вдвоем с матерью. Только фамилия у него тогда была не Сверяба, а Панихидин. В войну они жили в деревне. Мать работала учительницей в единственной на четыре деревни начальной школе. Колхоз выделил ей пять соток на склоне лесистого оврага — под картошку. С тем огородом и связаны были у Ивана первые, засевшие в память впечатления. С самого ранья весь воскресный день мать копала картошку, сыпала ее в рогожные кули. И он телепался среди кулей и картофельной ботвы. После полудня развели костерок; и вот та, испеченная в золе, посыпанная крупной солью, картошка и еще прибереженный матерью хлебный ломоть — под горько-сладкий дым костра, перебивший запахи ближнего леса, сена, уложенного в копны, и всего уходящего лета — все это осталось в памяти, как кусочек счастья... После трапезы у костерка мать сказала: «Ты, Ванятка, уже большой, придется тебе покараулить картошку. Мне еще три двора подписать на заем надо». Мать ушла по слезному заемному делу. Сначала Ваньке даже весело было от одиночного простора, когда и жуки, и бабочки, и трава, и затухающий костерок — все принадлежало ему. Заигравшись, он незаметно для себя заснул на рогожных кулях. А когда от зябкости проснулся, уже смеркалось, и лес придвинулся вплотную. Небо серело и опускалось прямо Ваньке на голову. Ему на ум пришли волки. О них немало ходило всяких рассказней. У волков, слышал он, глаза, как зеленые огни. И они, те зеленые огни, тут же замерцали из недалеких кустов. Он отполз за потухшее кострище и затаился под рогожей, пока не послышался скрип телеги. Материн голос произнес: — Да я сама бы управилась, Егор Фролович... Господи, куда же Ванятка-то делся... Ваня! Ваня!.. Он лежал и мстительно не откликался, покуда подковылявший дядя Егор не задел его своей березовой ногой...

Дома, забравшись на печку, застланную старой овчиной, он все прислушивался к разговору мамани с дядей Егором. Она уговаривала председателя дать на неделю лошадь, чтобы заготовить на зиму дрова для школы, да и для учителей тоже. Разговор был неинтересный, и он уснул. И снилось ему непонятно что, но радостное и веселое. Вроде бы та же огородная земля с пятнами картофельной ботвы и недалекие зеленые огоньки. Но не волчиные, а совсем другие, источавшие незнакомую музыку... К тому времени Ванька знал из музыкальных инструментов только балалайку, которая висела в хозяйкиной половине избы, дожидаясь пропавшего без вести ее сына. Балалайку брала в дни нечастых наездов из райцентра материна подруга Октябрина Селиверстовна. Ванька никак не мог взять в толк ее небабье прозвание: «Упал намоченный», хотя все в деревне ее так и прозывали. Когда она приезжала, хозяйка не знала, как и угостить госте своей жилички: доставала самовар, пекла из тертой картохи draniki, потчевала и уговаривала: — Арина Селиверстовна, так внучата на мне. Ихний отец-то без вести. Обождать

бы с недоимкой-то. — Не Арина, а Октябрина, — поправляла хозяйку мать. — Ага, — соглашалась та. — Я и говорю: обождать бы... Сведу корову, куда с детишками денусь? — Родина требует, — говорила Октябрина. — Для победы надо. Ванька полностью был на хозяйкиной стороне, ее Мотька даже в школу не пошла — не в чем. И Октябрину Селиверстовну он тоже понимал, самой ей, уж точно, ничего не надо — для победы старалась. Приезжала она в кирзовых сапогах, а по деревне, сберегая обувь, ходила в лаптях, которые тоже привозила с собой. — Обязана ты, мать, пойми, — говорила строго. — Хотя бы половину! — Ой, спасибочки, — молитвенно складывала руки на груди хозяйка. — Не за что! — обрывала ее Октябрина Селиверстовна. — Из-за твоих малолеток на преступление иду... Все! Неси-ка инструмент. Балалайку она сперва бережно поглаживала, затем начинала потихоньку наигрывать и напевать: «Прокати нас, Ванюша, на тракторе.»...

Про отца знал Иван с материных слов, что погиб тот в первом, самом страшном годе войны. Это знание жило в нем неполных шестнадцать лет, пока не порушилось с появлением в их коморке худого, как жердь, человека. Был неожиданный гость в сером макинтоше и в непривычной для той поры шляпе. И еще его глаза Иван запомнил: усталые и словно бы виноватые. Это случилось уже после того, как они переехали из деревни в город Уфу... Там и услышал он музыку, что звучала в деревенских снах. Это случилось на толкучке, где он вместе с другими пацанами прибирал то, что плохо лежало. Играл старик в синих очках, прижимая к подбородку невиданную раньше Ванькой фигурную балалайку. Звуки проникли в самую Ванькину душу. Ему охота было сесть возле ног старика и плакать. И он подлез к нему, замер, и снова увидел вдалеке березовый колок и затухающий костерок. Но не было перед глазами осеннего огорода с картофельной ботвой — в бескрайность уходило травяное поле, под ветром играли метелки ковыля, и пасся табун пугливых лошадей... Скрипач почувствовал подле себя пацаненка. Доиграв, нащупал рукой его голову, провел по волосам, спросил: — Все услышал? Ванька согласно кивнул. — Чардаш Монти, — сказал тот. С тех пор редкие музыкальные сны стали осязаемы, хотя мелодии были смутны и незнакомы. Но они обязательно вплетались в услышанный «Чардаш» и сопровождались бубенцами, словно безумного скрипача уносила тройка... Так и не смог Иван раздобыть себе скрипку — денег не было. Зато выменял вскорости на базарную четвертуху хлеба гитару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.